

ВОСПОМИНАНІЯ АЛЕКСАНДРА ФИЛИПОВИЧА ФРОЛОВА

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ Д. И. ЗАВАЛИШИНА.

Слѣдуя постоянно, руководящему насъ многіе годы, правилу при изданіи „Русской Старины“,—правилу сохраненія самаго строгаго безпристрастія, мы даемъ мѣсто на страницахъ нашего журнала статьѣ Александра Филипповича Фролова (декабриста), статьѣ, вызванной Записками Д. И. Завалишина.

Будущій историкъ занятія и заселенія Амура и Амурскаго края, а равно изслѣдователь устройства и быта крайне интересной артели декабристовъ, людей весьма просвѣщенныхъ, сложившейся въ Читинскомъ и Петровскомъ острогахъ, взвѣситъ рассказы и свидѣтельства тѣхъ и другихъ лицъ, и сумѣетъ разобраться въ противорѣчивыхъ показаніяхъ лицъ, слишкомъ много на себѣ вынесшихъ, чтобы быть въ состояніи вполне безпристрастно и спокойно говорить о событіяхъ, въ конхъ они сами принимали живое, непосредственное участіе, и о лицахъ, съ которыми они были въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ.

Въ общемъ тонѣ А. Ф. Фролова слышится упрекъ редакціи „Русской Старины“ за помѣщеніе статей Д. И. Завалишина. Но упрекъ этотъ несправедливъ. По общему свидѣтельству самихъ же декабристовъ, многократно появившихся въ ихъ печатныхъ запискахъ, на страницахъ „Русской Старины“, Д. И. Завалишинъ человекъ слишкомъ не дюжинный даже въ ихъ просвѣщенномъ кругу; затѣмъ г. Завалишинъ, послѣ высылки изъ Читы въ Москву, ознаменовалъ себя многолѣтнимъ участіемъ въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ Москвы и въ особенности въ святомъ дѣлѣ основанія, упроченія и развитія школъ въ этомъ городѣ. Короче сказать, мы имѣли и имѣемъ основаніе выслушать этого общественнаго дѣятеля и человека несомнѣнно съ весьма обширнымъ образованіемъ, дѣятеля много работавшаго, а въ весьма важномъ вопросѣ объ Амурѣ оказавшаго своими разоблаченіями и пользу государству. Не надо забывать также и того, что дѣятельность эта была среди условій не только неблагопріятныхъ, но просто опасныхъ для Дмитрія Ирипарховича Завалишина.

За всѣмъ тѣмъ, давая мѣсто на страницахъ „Русской Старины“ сказаніямъ Д. И. Завалишина, мы отнюдь не брали и не беремъ на себя защиту того, что имъ сказано.

Ред.

I.

Въ 9-й и 10-й книгахъ «Русской Старины» изд. 1881 года появились двѣ статьи Д. И. Завалишина подъ заглавіемъ, одна: объ Амурскомъ дѣлѣ; другая: о Декабристахъ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ.

Обѣ статьи писаны въ видѣ обвинительнаго акта, не безпристрастнаго противъ лицъ, память которыхъ многіе чтутъ и которая не мнѣ одному дорога, но и всѣмъ тѣмъ, которые ихъ уважали и любили.

Всѣ, кого знаемъ, прочитавши эти статьи, были того убѣжденія, что нельзя оставить ихъ безъ возраженія; но товарищи мои признали этотъ трудъ бесполезнымъ на томъ основаніи, что опроверженіе П. Н. Свистуновымъ статьи г. Максимова въ 1870 году не помѣшало автору, по истеченіи 11 лѣтъ, выставить снова всѣ опровергнутые факты съ придачею новыхъ свѣдѣній, столь же неправдоподобныхъ. Не смотря на это, я, питая глубокое уваженіе къ памяти умершихъ товарищей моихъ и съ признательностью вспоминая прожитую свою молодость посреди людей честныхъ и добрыхъ, рѣшился, сколько Богъ дастъ силы, выступить поборникомъ правды противъ сильнаго и искуснаго противника, хотя и предвижу, что навлеку на себя такой же гнѣвъ, какъ и первый его возражатель. Но въ мои лѣта, когда готовишься покинуть здѣшній міръ, людская злоба не смущаетъ.

Не предрѣшая вопроса о дѣйствительности передаваемыхъ фактовъ и о правдивости всего повѣствуемаго, замѣчу только, что вѣроятно всякаго читателя поразитъ безпощадное осужденіе всѣхъ упоминаемыхъ авторомъ лицъ при снисхожденіи къ самому себѣ, не надѣлившись притомъ кого-либо единымъ словомъ ни похвалы, ни признательности, не говоря уже дружбы или любви; а гдѣ нѣтъ любви къ ближнему, тамъ не бываетъ ни правды, ни справедливости, въ чемъ сознается самъ авторъ, почитающій себя христіаниномъ.

Начну съ разбора статьи объ Амурскомъ дѣлѣ.

II.

Не пользуясь достаточнымъ количествомъ свѣдѣній о принятыхъ администраціе мѣрахъ для заселенія Амурскаго края, равно и о встрѣтившихся затрудненіяхъ и препятствіяхъ при такой трудной задачѣ, какъ колонизація дикаго и отдаленнаго края, не имѣя при томъ возможности судить о цѣлесообразности и крайней необходимости

распоряженій главныхъ дѣятелей, предоставляю болѣе свѣдущимъ людямъ защиту столь жестоко обвиняемой администраціи; а потому ограничусь изслѣдованіемъ того, въ какой мѣрѣ выставленныя обвиненія подтверждаются доказательствами и насколько передаваемые факты согласуются между собою и съ извѣстными мнѣ данными.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ колоссальномъ предпріятіи, не имѣющемъ прецедента и требующемъ неотложнаго осуществленія, при отсутствіи всякаго опыта въ дѣлѣ небываломъ, логично слѣдуетъ допустить неизбежныя ошибки, промахи, недоразумѣнія, перечисляя которые, авторъ приписываетъ ихъ не только отсутствію предусмотрительности и сообразительности со стороны главнаго начальника края, но и преслѣдованію имъ личныхъ цѣлей. Бѣдствія, постигшія, по словамъ автора, и Забайкальское населеніе, и войско, и Амурскихъ переселенцевъ, выставлены въ ужасающихъ размѣрахъ и описаны самыми мрачными красками. Но ни одно изъ гибельныхъ послѣдствій необдуманнхъ мѣропріятій не подтверждается приложенными якобы документами, на которые неотступно ссылается авторъ. Я называлъ принятія мѣры необдуманными; но, по мнѣнію автора, ихъ слѣдуетъ считать въ высшей мѣрѣ преступными, потому что, по его увѣренію, онѣ принимаемы были изъ личныхъ видовъ, что повторяется имъ при всякой выставляемой неудачѣ. Спрашивается, въ правѣ-ли мы обвинять кого-бы то ни было въ такомъ гнусномъ побужденіи, особенно когда описываются бѣдствія, постигшія нѣсколько десятковъ тысячъ людей? Не грѣшно ли вторгаться въ тайникъ чужой совѣсти, доступный лишь одному Сердцевѣдцу? Для осужденія предъ общественнымъ мнѣніемъ главнаго дѣятеля въ Амурской экспедиціи и въ заселеніи пріобрѣтеннаго края, не достаточно ли было приписать всѣ неудачи его неосмотрительности, не посягая на его честь и нравственное достоинство. Всѣ выставленные факты ни какими документами не подтверждаются....

При разборѣ нескончаемой вереницы упрековъ, обращенныхъ къ главному начальнику края, ясно обнаруживается задача, какую поставилъ себѣ авторъ: во что бы то ни было и безъ всякаго основанія осуждать его, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не отъ него исходили принятія административныя мѣры. Такъ на стр. 80 указано на переселеніе крестьянъ изъ Россіи въ Тобольскую и Томскую губерніи, при чемъ замѣчается, что «не подумали ни малѣйшей части изъ нихъ направить въ Забайкальскій край»; а на 93 стр. осуждается призваніе крестьянъ изъ Россіи на Амуръ, которые, истощивъ всѣ средства на пути, съ самаго Красноярска стали побираться милостынею.

Ставится въ укоръ начальнику края (80) взятіе въ рекруты трехъ тысячъ хлѣбопашцевъ въ промежутокъ съ 1853—1856, т. е. во время Крымской войны. Спрашивается, могло-ли Иркутское начальство послушаться предписанія, исходящаго отъ высшей власти?

(Стр. 84) Н. Н. Муравьевъ, «по враждѣ будто бы къ министру финансовъ Вронченко», (указаніе на побужденіе не голословное ли обвиненіе?) взялся доставить до ста пудовъ золота вмѣсто добываемыхъ дотолѣ 28 пуд., и съ Нерчинскихъ рудниковъ перевелъ ссыльно-каторжныхъ на Карійскіе рудники, гдѣ за три первые года добыто въ средней сложности по 70 пуд., а на Шахтаминскомъ золотомъ пріискѣ добыто болѣе 100 пудовъ.

Осуждаемая мѣра доставила казнѣ значительную прибыль, хотя авторъ распространяется на счетъ убытковъ, понесенныхъ ссыльно-каторжными, (при томъ неизбѣжныхъ при всякомъ переселеніи), съ намѣреніемъ уменьшить заслугу Муравьева, равно и о томъ, что золотые пріиски много повредили сельскому хозяйству въ Сибири.

Извѣстно, что съ открытія золотыхъ пріисковъ въ 1830-хъ годахъ стали пустѣть цѣлыя деревни въ Сибири. Несомнѣнно, что золотой промыселъ, обогатившій десятокъ другой капиталистовъ, ознакомилъ Сибирь съ голодомъ, о которомъ прежде и слуха не было; но немислимо ставить это въ укоръ Н. Н. Муравьеву.

Онъ же виноватъ въ томъ, что не довольствовался для Амурской экспедиціи двумя гарнизонными баталіонами, составлявшими всю вооруженную силу на пространствѣ вѣсколькихъ тысячъ верстъ. Не имѣя возможности получить войско изъ Россіи, по неволѣ пришлось ему составить его изъ рекрутъ, собранныхъ на мѣстѣ; а что принятое пріобрѣтеніе при-амурскаго края не нуждалось въ войскѣ, и что оно было сформировано изъ пустого тщеславія, для доставленія Н. Н. Муравьеву званія корпуснаго командира (стр. 84) — на это требуются доказательства, которыхъ въ документахъ не нахожу.

При томъ, нельзя пройти молчаніемъ рѣзкое противорѣчіе, обнаруживающееся между многими высказываемыми упреками: то войско формируется изъ пустого тщеславія, слѣдовательно безъ настоящей нужды, то, при угрожавшей впоследствии опасности столкновенія съ Китаемъ, Забайкальскій край и Амуръ и Приморская область оказались въ беззащитномъ положеніи по недостатку войска (стр. 100).

Авторъ ставитъ также въ вину Николаю Николаевичу Муравьеву несогласіе его или нерѣшимость на завоеваніе южныхъ портовъ, которые г. Невельской считалъ необходимымъ пріобрѣтеніемъ. Можно предполагать, что Н. Н. Муравьевъ отклонялъ новый захватъ Нижне-Уссурийскаго края, или по неимѣнію на то наличныхъ средствъ,

или по отсутствію разрѣшенія высшаго правительства, для котораго праждебные замыслы противъ Китая кабинетовъ англійскаго и французскаго не были тайной, и вѣроятно уже тогда предвидѣлся, вслѣдствію превосходства европейскаго оружія надъ азійскимъ, счастливый исходъ кампаній, доставившій намъ однимъ дипломатическимъ путемъ уступку южныхъ портовъ безъ боя и безъ затратъ.

Приобрѣтеніе Нижнеуссурійскаго края, выставляемое какъ настоящая потребность, послужило поводомъ къ новому обвиненію Н. Н. Муравьева. Пришлось ему бросить Николаевскъ на устьѣ Амура и перевести морскія учрежденія и мѣстопробываніе военнаго губернатора въ Владивостокъ (стр. 97). Но была ли возможность избѣгнуть этого перемѣщенія? Мы ее не видимъ, и авторъ на нее не указываетъ. При распространеніи всякаго владѣнія естественно передвигается мѣстопробываніе правителя. Неоспоримость такой банальной аксіомы не разъ подтвердилась въ исторіи русскаго государства.

Совершилось столь вождедѣнное занятіе нами южныхъ портовъ, помимо участія Н. Н. Муравьева. До того винили его въ бездѣйствіи, въ безпечности, а по приобретеніи Уссурійскаго края, онъ оказался опять виноватымъ въ томъ, что занятіе этихъ портовъ никакой не доставило пользы краю, а обращеніе ихъ въ *porto franco* для поощренія торговли причинило лишь вредъ всему Забайкальскому краю (страница 99).

О достовѣрности выставленныхъ фактовъ къ осужденію Н. Н. Муравьева доказательствъ, къ сожалѣнію, никакихъ не представлено, хотя извѣстно намъ, что многіе изъ нихъ опровергнуты были въ появившейся въ 1858 году статѣ Романова; но предположивъ даже, что всѣ эти факты достовѣрны и даже, что они истекаютъ изъ ошибочныхъ и необдуманныхъ распоряженій главнаго правителя, необходимо, чтобы отвѣтственность за нихъ всецѣло на него возложить; необходимо, говорю,—выставить въ параллель имъ тѣ мѣропріятія, какія слѣдовало бы принять, равно и удобоисполнимость ихъ.

При этомъ сопоставленіи, неопровержимо выяснилась бы виновность правителя, и этотъ способъ доказательства не затруднилъ бы автора, судя по тому, что дѣльные и благіе совѣты, подаваемые имъ, о которыхъ онъ такъ часто поминаетъ, заключали въ себѣ именно то цѣлесообразное направленіе, отъ котораго уклонились распорядители. Къ сожалѣнію, ни одного изъ такихъ полезныхъ совѣтовъ не сообщаетъ авторъ читателю, а стоило бы ему только высказать одно изъ тѣхъ предостереженій, отъ него исходившихъ, какими пренебрегли властимѣющіе въ ущербъ и всему краю, и затѣянному предпріятію, чтобы убѣдить читателя въ виновности главнаго распорядителя Амур-

скаго края. Ему не понадобилось бы тогда прибѣгать къ странному способу обвиненія—приписывать всѣ ошибки правителя преступному преслѣдованію личныхъ цѣлей.

Когда Д. И. Завалишинъ говоритъ, будто, М. С. Корсакову (стр. 90): «Михаилъ Семеновичъ, что вы надѣлали, зачѣмъ вы обманули людей?» и т. д., тутъ бы слѣдовало прибавить: «мой совѣтъ, которому вы не послѣдовали, заключался въ томъ-то»; а о совѣтѣ не упоминается, а порицается лишь неисправимо совершившійся фактъ. Такого рода сотрудничество въ амурскомъ дѣлѣ доступно было всякому забайкальскому жителю и свидѣтельствуетъ лишь о благодушіи и снисходительности губернатора въ сношеніяхъ своихъ съ поселенцемъ, находившимся подъ его надзоромъ

На стр. 95 читаемъ: «допустить, чтобы и это такъ продолжалось (гибельныя неудачи) было нельзя. и вотъ почему, когда всѣ увѣщанія остались тщетными, Д. И. Завалишинъ рѣшился раскрыть въ печати настоящее положеніе дѣлъ на Амурѣ».

Дальше говорится (ст. 97): «М. С. Корсаковъ происками своими и наветами добился удаленія Д. И. Завалишина изъ Читы въ Россію, чѣмъ лишилъ себя полезнаго совѣтника и честнаго дѣятеля».

При ограниченіи свободы устнаго и печатнаго слова, искони введенномъ у насъ повсюду, нельзя не дивиться кротости и благодушію правителя, облеченнаго обширною властію, при тяжелой отвѣтственности передъ высшимъ правительствомъ, дозволившаго простому поселенцу осуждать безпощадно изустно и печатно всѣ его мѣропріятія и тѣмъ подрывать его авторитетъ во всемъ ввѣренномъ ему краѣ. Ни одинъ ни генералъ-губернаторъ, ни даже губернаторъ, не допустилъ бы того и далеко не выказалъ бы такого долготерпѣнія, какъ М. С. Корсаковъ.

На той же страницѣ говорится: «послѣ поданнаго Д. И. З. примѣра, начали и другіе доставлять объ Амурѣ правдивыя свѣдѣнія, хотя и не подверглись тѣмъ прискорбнымъ послѣдствіямъ, которымъ подвергся онъ».

Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что едва ли за статьи его удалили изъ Сибири, тѣмъ болѣе, что этой мѣрой не отнималась у него возможность печатать статьи объ Амурѣ съ 1858 до 1881 года въ продолженіи 23 лѣтъ, чѣмъ онъ и пользуется по сію пору. Къ тому же первая статья Д. И. Завалишина появилась въ «Морскомъ Сборникѣ» въ 1858 году, а онъ былъ высланъ изъ Сибири въ Россію въ 1864 г. Наконецъ, почему же возвращеніе изъ ссылки на родину считается авторомъ прискорбнымъ послѣдствіемъ, тогда какъ милостивый манифестъ великодушнаго Царя-Освободителя, провозгласившаго

амнистію въ 1856 году, былъ встрѣченъ съ радостью и съ чувствомъ признательности и любви всѣми сосланными декабристами. Г. Заваляшинъ не оставлялъ въ Сибири ни жены, ни дѣтей, а въ Россіи ожидала его родная сестра, почтенная Екатерина Иринарховна, о коей сестры Н. А. и М. А. Бестужевыхъ отзываются съ величайшею похвалою, сказывая, что она, не сходясь съ братомъ ни въ воззрѣніяхъ, ни въ чувствахъ, съ прискорбіемъ вынуждена была разстаться съ нимъ.

Обратимся къ разбору писемъ, выставленныхъ въ качествѣ документовъ и помѣщенныхъ Д. Н. Заваляшинимъ въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1881 года.

III.

Изъ насчитанныхъ мною болѣе 50-ти писемъ—8 только касаются амурскаго вопроса (стр. 388). Г. Тиль, находившійся при ревизорѣ сенаторѣ Толстомъ—благодарить за сообщенныя свѣдѣнія о краѣ и по разрѣшенію амурскаго вопроса (стр. 389). Г. Стадлеръ сообщаетъ, что генералъ-губернаторъ благодарить за свѣдѣнія касательно закупки хлѣба (ст. 396). Читинскій губ., уволенный отъ должности по распоряженію ген.-губернатора, въ письмѣ къ сестрѣ автора осуждаетъ дѣйствія Н. Н. Муравьева и порицаетъ его личность. Свидѣтельство его нельзя считать безпристрастнымъ. Онъ напоминаетъ о запискѣ, посланной авторомъ сенатору Толстому о приобрѣтеніи устьевъ Амура, а вслѣдъ затѣмъ посланной ген.-губернатору (стр. 399). Полковникъ Савичъ проклинаетъ житье на Амурѣ и неодобрительно отзывается о начальствѣ (стр. 412). М. А. Бестужевъ сообщаетъ о бесѣдѣ, состоявшейся у ген.-губернатора, въ которой М. А. Б. отстаивалъ необходимость приобрѣтенія южныхъ портовъ, на которое не рѣшался еще ген.-губернаторъ (стр. 417). Ген.-адъютантъ Сколковъ, лично ознакомившись съ положеніемъ края, убѣждается въ справедливости сказаннаго о немъ авторомъ статей. Письмо это свидѣтельствуется о томъ, что г. Сколковъ нашелъ положеніе края неудовлетворительнымъ, но нисколько не подтверждаетъ рѣзкихъ обвиненій авторомъ Н. Н. Муравьева.

Кромѣ писемъ, указывается на свидѣтельство г. Сгибнева въ статьѣ, помѣщенной имъ въ «Древней и Новой Россіи», содержаніе коей не сообщается (стр. 301).

Выставлено также личное мнѣніе какого-то англичанина Равенштейна, которое нельзя нисколько признать документомъ.

29 писемъ не имѣютъ никакого отношенія къ Амурскому вопросу.

Чтобъ убѣдиться, какъ мало представляетъ интереса для читателей содержаніе ихъ, стоитъ взять любое изъ нихъ на выдержку.

Такой-то проситъ объ отводѣ мѣста для постройки лавки или дома (стр. 391). Нерчинскій исправникъ пишетъ: «Ген.-губернаторъ очень доволенъ вами (стр. 389). Совѣтникъ Щаповъ проситъ возвращенія своей записки о лѣсахъ (стр. 391). Жена градоначальника Ребиндера проситъ прислать врача, чтобы помочь мужу, котораго разбила лошади по выѣздѣ изъ Читы (393). Калугина благодаритъ за предложеніе принять на его попеченіе двухъ сиротъ (393). Дѣло похвальное, но какъ не вспомнилъ авторъ евангельскаго стиха: «Егда убо твориши милостыню, не воструби предъ собою, яко же лицемѣры творять». Е. А. Бестужева благодаритъ за гостепрѣимство, оказанное брату ея Михаилу. Есть письма, содержаніе коихъ вовсе не выставлено. Значится только: «Мой добрый Дмитрій Иринарховичъ» (394). Въ другомъ: «Будьте мнѣ благодѣтелемъ» (394). Два письма М. К. Кюхельбекера и Ив. Ив. Пущина (394): удивляются нерасположенію къ нему ген.-губернатора послѣ похвальнаго его отзыва о немъ. О. Н. Львовъ, удаленный изъ Иркутска ген.-губернаторомъ, осуждаетъ направленіе, данное дѣлу о дуэли (404). О. В. Чижовъ предлагаетъ автору вознагражденіе за помѣщенные статьи въ его журналѣ (407). Адмиралъ Матюшкинъ отсылаетъ ему статью, непринятую къ напечатанію въ «Морскомъ Сборникѣ» (408). Поэтъ В. К. Кюхельбекеръ осмѣяетъ автора комплиментами (388).

Изъ шестнадцати хвалебныхъ писемъ, по случаю напечатанныхъ статей объ Амурѣ, надо замѣтить 6 писемъ генерала П. К. Менкова, издателя «Русскаго Инвалида» и «Военнаго Сборника». Въ нихъ говорится о запискѣ г. Будагосскаго, поданной военному министру о состояніи Амурскаго края, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ г. Завалишинимъ. Записка сообщена была Корсакову для прочтенія и отвѣта. Надо полагать, что министръ призналъ оправдательное поясненіе Корсакова удовлетворительнымъ и что записка, составленная Будагосскимъ, не повредила Корсакову во мнѣніи ни министра, ни высшаго правительства, сохранившихъ за нимъ управленіе обширнаго края.

Ни одного изъ этихъ писемъ нельзя признать документомъ, подтверждающимъ выставленные факты, осуждающіе графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго и М. С. Корсакова, заслужившихъ общее уваженіе и любовь многихъ.

Затѣмъ слѣдуютъ поясненія автора, приложенныя къ письмамъ (387): Уѣздный учитель Мордвиновъ пользовался его наставленіями

и находился подъ вліяніемъ его примѣра (389). Командиръ казачьяго баталіона получалъ отъ автора наставленія, какъ онъ долженъ дѣйствовать для пользы службы и проч. (390). Н. А. Бестужевъ убѣжденъ былъ, что никакія личныя отношенія не могутъ заставить Д. И. Завалишина уклониться отъ справедливости (391). «Онъ безвозмездно исправлялъ должность офицера генеральнаго штаба по съемкамъ и составленію карты путей сообщенія, по составленію плана города; землебра по разпланировкѣ города и отвода земель; архитектора по постройкѣ казенныхъ зданій; медика, по надзору за тифозными госпиталями, по пособію жителямъ собственными лекарствами; совѣтника, мирового посредника, учителя и проч.» (392). Военный губернаторъ во время своихъ отлучекъ поручалъ Д. И. Завалишину главный надзоръ и распоряженіе по управленію; ему предоставлено было получать всѣ бумаги и письма, адресованныя въ руки губернатора; ему же оставлялись и всѣ важныя дѣла для высылки куда потребуется» (393). «Всѣ, кто имѣлъ какую нужду въ помощи, въ содѣйствіи, въ ходатайствѣ обращались къ автору» (397). «Корсаковъ, замѣнившій Запольскаго, просилъ Завалишина оказывать ему такое же содѣйствіе, какъ и его предшественнику, и не исполнилъ распоряженія ген.-губернатора о перемѣщеніи автора изъ Читы въ Минусинскъ» (400). Былъ ли ему признателенъ г. Завалишинъ? Авторъ сознаетъ, «что полковникъ Савичъ былъ въ правѣ назвать предпринятое имъ раскрытіе правды святымъ дѣломъ и подвигомъ». На страницѣ 418 значится: «покойный митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Леонидъ совѣтовались съ г. Завалишинымъ по сибирскимъ и другимъ дѣламъ, какъ имѣются тому письменныя свидѣтельства». Жаль, что онѣ не приложены къ документамъ.

Возвращаясь къ письмамъ съ похвальными отзывами, слѣдуетъ приписать эти похвалы разнороднымъ причинамъ. О дальней восточной окраинѣ много интересовалась читающая публика и жадно и безъ разбора глотала доходившія до нея оттуда вѣсти, что подтверждается письмами двухъ журнальных редакторовъ. Къ тому же рѣзкая и страстная критика, особенно касательно дѣйствій высокопоставленнаго лица, приходится людямъ болѣе по сердцу, чѣмъ докучливый панегирикъ; цѣнилось также и литературное достоинство статей; но злорадность, высказывающееся во многихъ похвальныхъ отзывахъ, наводитъ на мысль, что обличительныя статьи автора одобрялись не безпристрастными читателями. Извѣстно, что липу, пользующемуся широкою властью, трудно избѣгнуть недовольства и вражды, тѣмъ болѣе, что графъ Амурскій строго преслѣдовалъ лихоимство и казнокрадство, закоренѣлыя у насъ язвы, также и недобросовѣстное испол-

неніе должности, не разбирая мелкій ли чиновникъ или губернаторъ признавался ненадежнымъ. Если къ этому прибавить, что онъ пользовался довѣріемъ и особой милостью императора Николая и быстро достигъ высокаго поста, то безошибочно предположить можно, что онъ тѣмъ возбудилъ и недоброжелательство и зависть тѣхъ, которыхъ опередилъ на служебномъ ристалищѣ. Не мало также одобрителей доставила автору кажущаяся отвага, съ которою простой поселенецъ выступаетъ поборникомъ правды въ состязаніе съ могучимъ правителемъ края. Но кто имѣлъ случай удостовѣриться въ рѣдкой терпимости, добродушіи и мягкосердіи того правителя, тотъ особеннаго подвига не признаетъ въ этой борьбѣ.

Обратимся къ разсказу самаго автора. Графъ Амурскій приказалъ будто перевести его на поселеніе въ Минусинскій округъ, прозванный Сибирской Италією, и мѣстный губернаторъ предписаніе оставилъ безъ исполненія. Тутъ слѣдуетъ заключить одно изъ двухъ: или со стороны ген.-губернатора было лишь угрожающее предостереженіе, или ходатайство Корсакова объ оставленіи автора въ Читѣ было уважено генералъ-губернаторомъ.

Такъ ли поступаютъ у насъ обыкновенно ген.-губернаторы? На примѣръ кн. П. Д. Горчаковъ высмалъ почтеннаго и уважаемаго (барона) В. И. Штейнгейля изъ губернскаго города Тобольска, гдѣ онъ обзавелся хозяйствомъ, въ жалкій уѣздный городъ Тару за то только, что дошло до его свѣдѣнія, будто В. И. Штейнгейль, уступивъ просьбѣ губернатора Ладыженскаго, неопровержимо отстаивалъ мнѣніе губернатора по какому-то уголовному дѣлу, не согласное со взглядомъ по этому предмету, изложеннымъ заранѣе княземъ Горчаковымъ.

IV.

Многіе изъ нашихъ товарищей, не знавшіе лично графа Амурскаго, столько о немъ слышали лестныхъ отзывовъ отъ генерала Θ. Д. Казимирскаго, высоко цѣнившаго какъ умственныя, такъ и душевныя его качества, равно отъ нашихъ товарищей, долго прожившихъ въ Иркутскѣ, также и отъ поселенцевъ нашихъ города Ялуторовска, гдѣ онъ проѣздомъ въ Петербургъ и обратно всегда нѣсколько часовъ останавливался и съ ними бесѣдовалъ; знаютъ его какъ умнаго и очень добраго человѣка.

Ялуторовскую колонію составляли тогда: М. И. Муравьевъ-Апостолъ, И. Д. Якушкинъ, Ив. Ив. Пущинъ, Е. П. Оболенскій, Н. В. Басаргинъ и В. К. Тизенгаузенъ.

Николай Николаевичъ останавливался всегда у И. И. Пупина и просилъ оповѣстить своихъ товарищей о его прибытіи, желая въ кругу ихъ провести нѣсколько досужныхъ часовъ. Тутъ онъ разъ отозвался съ похвалою о Д. И. Завалишинѣ, свѣдѣніями коего о забайкальскомъ краѣ пришлось ему воспользоваться. Причина, заставившая въ послѣдствіи гр. Муравьева-Амурскаго не довѣрять болѣе г. Завалишину, безъ сомнѣнія, послѣднему извѣстна.

Чтобъ убѣдиться насколько обхожденіе съ политическими ссыльными было гуманнѣе и мягче въ восточной Сибири, чѣмъ въ западной, стоитъ вспомнить о горькой судьбѣ, доставшейся въ удѣлъ Достоевскому и Дурову, сосланнымъ въ Омскъ по дѣлу Петрашевскаго, гдѣ они много лѣтъ несказанно томились въ арестантской ротѣ, прозванной «мертвыми домомъ» въ повѣсти страдальца-поэта, когда въ то же время Петрашевскій съ товарищами жили на свободѣ въ Иркутскѣ.

Як. Дм. Казимирскій рассказывалъ въ Ялуторовскѣ, что онъ сидѣлъ у ген.-губернатора, когда доложили о прибытіи въ Иркутскъ Петрашевскаго съ товарищами. Николай Николаевичъ тотчасъ же просилъ генерала Казимирскаго навѣстить ихъ и освѣδοчиться не нуждаются ли они въ чемъ. Они объявили, что ни въ чемъ не нуждаются; но когда Як. Дм. сталъ настаивать и, замѣтивъ, что продолжительное заключеніе и затѣмъ слѣдованіе ихъ по этапамъ вдоль всей Сибири подвергли ихъ многимъ лишеніямъ, спросилъ ихъ не пожелаютъ ли они чего?—Ник. Александр. Спѣшневъ († 1882 г.) поблагодаривъ его за милостивое къ нимъ вниманіе, призвался, что бутылка лафиту доставила бы ему большое удовольствіе. Узнавъ объ этомъ, Николай Николаевичъ приказалъ немедленно отнести имъ нѣсколько сохранившихся у него бутылокъ этого вина. М. А. Бестужевъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о доносѣ губернатора Пятницкаго на Н. Н. Муравьева по случаю дружескихъ отношеній его къ декабристамъ. Пятницкій думалъ ему мстить за то, что Н. Н., по весьма уважительнымъ причинамъ, удалилъ его отъ управленія губерніею, чему подвергся также и г. Зоринъ, котораго для пользы службы не пощадилъ, хотя послѣдній былъ ему товарищемъ по Пажескому корпусу. Государь показалъ доносъ Н. Н. Муравьеву, потребовавъ у него объясненія. Н. Н., засвидѣтельствовавъ о безупречномъ поведеніи декабристовъ, доложилъ царю, что онъ считалъ, по совѣсти, долгомъ облегчить тягостное ихъ положеніе; на что государь сказалъ ему: «спасибо, ты меня понялъ». И когда затѣмъ государь повелѣлъ выключить г. Пятницкаго изъ службы за злостный доносъ, Николай Николаевичъ вымолилъ у царя сохраненіе за нимъ права на полученіе пенсіи.

Въ тѣхъ же Запискахъ М. А. Бестужева («Рус. Стар.» 1981 г.)

мы видимъ, что онъ, братъ его Николай и другіе декабристы, съ разрѣшенія ген.-губернатора, свободно разъѣзжали по всей Восточной Сибири и проживали по долгу то въ Иркутскѣ, то въ Кяхтѣ, то въ другихъ городахъ, тогда какъ въ Западной Сибири М. И. Муравьевъ-Апостолъ годъ цѣлый не могъ выпросить дозволенія съѣздить въ Тобольскъ, для излеченія отъ болѣзни. Удалось наконецъ-г. Толстому, адъютанту князя, бывшему случайно очевидцемъ страшнаго приступа мучительнаго недуга, разжалобить ген.-губернатора и добиться его согласія на поѣздку М. И. Муравьева въ Тобольскъ. При этомъ пельзя сказать, чтобъ князь П. Д. Горчаковъ былъ злой человекъ; но онъ, какъ истый чиновникъ, берегъ себя и страшился всякой отвѣтственности. Разъ, двѣ изъ нашихъ дамъ Н. Д. Фонъ Визина и Ж. А. Муравьева, проживавшія въ Тобольскѣ, вздумали провѣдать товарищей нашихъ въ Ялуторовскѣ. Узнавъ объ этой отлучкѣ, ген.-губернаторъ счелъ долгомъ извѣстить о ней III-е отдѣленіе, изъ котораго послѣдовало строгое внушеніе путешественникамъ.

Всѣ эти факты привожу въ доказательство тому, какъ мало оправдывается ненависть противъ Н. Н. Муравьева, высказавшаяся въ разбираемой статьѣ. Да позволитъ мнѣ Д. И. Завалишинъ, глубоко изучившій библію при переводѣ ея на русскій языкъ, напомнить ему слова св. Іоанна евангелиста: «Всякъ ненавидяй брата своего челоуѣкоубійца есть». Посл. I, гл. 3, стр. 15.

При чтеніи разбираемой статьи безпощадно и такъ опрометчиво порицаются всѣ распоряженія, касающіяся пріобрѣтенія и заселенія при-Амурскаго края, при томъ же нисколько не знакомящей читателя ни съ ходомъ этого историческаго событія, ни съ представившимися препятствіями, ни съ бывшими на лицо средствами для преодоленія ихъ, ни съ планомъ, какого слѣдовало бы держаться, для избѣжанія описываемыхъ веудачъ,—естественно возникаетъ вопросъ: что могло побудить автора къ составленію такого страннаго обвинительнаго акта противъ лицъ, или удалившихся отъ общественнаго поприща, или сошедшихъ уже въ могилу, тѣмъ болѣе, что объ этомъ предметѣ, по его же увѣренію (стр. 405), «писано имъ было огромное число статей для поясненія Амурскаго дѣла», такъ что настоящая статья ни что иное, какъ извлеченіе изъ предъидущихъ и не сообщаетъ ничего новаго. Автора побудило, будто бы, къ печатанію этой статьи (стр. 75) желаніе ознакомить публику съ неизвѣстными ей важными документами и доставить при томъ нѣкоторыя указанія, полезныя для настоящаго времени. Но, ни документовъ не оказалось на лицо, какъ мы въ томъ убѣдились, ни указаній полезныхъ не отыскивали въ огульномъ осужденіи всего совершившагося предпріятія.

И такъ, что же могло побудить автора къ напечатанію статьи? Неужели одна злоба противъ человѣка, который не только не причинилъ ему зла, но которому онъ многимъ обязанъ. Еслибъ графъ Амурскій не отозвался бы съ похвалою о немъ Читинскому губернатору г. Запольскому, при открытіи новой области и не посовѣтовалъ бы ему сблизиться съ авторомъ, чтобы воспользоваться свѣдѣніями старожила о вѣряемомъ ему краѣ, ему не пришлось бы разыгрывать такую видную административную роль въ губерніи, столь льстившую его самолюбію. Когда бы г. Завалишина не сталъ пріобрѣтеннымъ довѣріемъ кичиться и высказывать передъ всѣми какою силою пользуется у губернатора и тѣмъ во возбудилъ бы неудовольствія мѣстныхъ чиновниковъ, жалобы коихъ дошли до Иркутска, а келейно бы употребилъ вліяніе свое на пользу края, тогда и г. Запольскій сохранилъ бы свое мѣсто и его не подумали бы удалить изъ Читы. Со смѣною г. Запольскаго и назначеніемъ вмѣсто его М. С. Корсакова, прекратилась административная дѣятельность г. Завалишина и вмѣстѣ съ тѣмъ почеть, какимъ онъ пользовался между читинскими обывателями, и вотъ чего онъ не можетъ простить графу Амурскому, даже по истеченіи тридцати лѣтъ, находясь самъ въ преклонныхъ лѣтахъ и какъ бы на порогѣ загробной жизни. Грустное явленіе, да вразумить и помилуешь его Господь! Для графа же Амурскаго, сошедшаго въ могилу, пробилъ часъ вѣчности; все земное уже чуждо ему, до него не достигаетъ ни злоба, ни слава мірская, но земное его поприще не пройдетъ бесслѣдно. Противъ его враговъ за него заступится признательное потомство, чему порукой служить открытая пынѣ подписка на сооруженіе памятника въ городѣ Благовѣщенскѣ, въ ознаменованіе оказанной имъ великой заслуги отечеству.

V.

Перейду къ разбору статьи Д. И. Завалишина подъ заглавіемъ: «Декабристы въ Читѣ и Петровскомъ».

Пока общество, мечтая о благѣ отечества и не щадя себя, стремилось къ недостигаемой его цѣли, подвергаясь при томъ всѣмъ случайностямъ опаснаго и тернистаго пути, тутъ была еще своя доля поэзіи, какъ и во всякомъ отважномъ, хотя и неразумномъ порывѣ юношеской души; но, съ опущеніемъ занавѣса, послѣ завершившейся кровавой драмы, наступилъ періодъ обыденной прозы. Тюрьма положила конецъ всему прошлому и открыла для насъ новую жизнь. Пришлось учиться терпѣнію, распознать свою немощь, отогнать отъ себя всѣ

призраки, волнующіе душу, и принятыя за какой либо трудъ, способный оказать пользу или самому себѣ, или кому либо изъ ближнихъ. Многіе, признавъ суету мірскую, обратились къ изученію божественнаго откровенія, сдѣлались истинными христіанами, откинувъ всякую гордыню и со смиреніемъ и любовію покорились волѣ Божіей, пославшей испытаніе имъ на благо.

Не одного также читателя возмутило порицаніе (?) авторомъ товарищей по заключенію, съ которыми онъ провелъ 12 лѣтъ и на которыхъ старается набросить тѣнь (?), вопреки вышедшихъ въ свѣтъ записокъ нѣкоторыхъ союзниковъ. Не такъ бы слѣдовало отнестись къ обществу, которому авторъ многимъ обязанъ и, кажется, кромѣ благодарности не долженъ бы питать другого чувства. Наконецъ поразить всякаго исчисленіе громаднхъ умственныхъ его трудовъ: изученіе 13 языковъ ¹⁾, кромѣ латинскаго и греческаго, и даже еврейскаго со всѣми его нарѣчіями ²⁾, переводъ библіи съ еврейскаго, изученіе въ подлинникахъ отцовъ церкви и греческихъ богослужебныхъ книгъ. При чемъ авторъ не оставляетъ занятій высшей математикой, астрономіей, механикой и проч.; считаетъ своею обязанностію не ослабно заниматься для приобрѣтенія все большихъ и большихъ знаній по всѣмъ частямъ. Мало того, успѣваетъ еще удѣлять время на дѣла общественныя: онъ созидаетъ, онъ руководитъ, онъ направляетъ, онъ наблюдаетъ и проч.

Все это не могло не привести нѣкоторыхъ къ сомнѣнію, а въ болѣе опытныхъ возбудило подозрѣніе въ возможности и дѣйствительности повѣствуемыхъ авторомъ чудесъ. Но для тѣхъ, кто провелъ съ нимъ многіе годы подъ одной кровлей каземата и имѣлъ случай ближе изучить его характеръ, многое, необъяснимое въ разсказѣ о такихъ гигантскихъ подвигахъ, становится яснымъ и логично послѣдовательнымъ.

Чтобы дать и читателю ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ всего чудеснаго, постараюсь познакомить его съ авторомъ и его нравственною личностію. Матеріаломъ для этого послужатъ офиціальныя документы, записки товарищей, личныя заявленія живыхъ и наконецъ мои собственныя девятилѣтнія наблюденія.

Еще ребенкомъ Д. И. Завалишинъ, читая Священное писаніе, имѣлъ таинственныя откровенія, назначавшія его для возстановленія

¹⁾ Записки барона А. Е. Розена (стр. 231). Свѣдѣнія заимствованы конечно на иѣру.

²⁾ Письмо П. А. Муханова „Русск. Стар.“ 1881 г. кн. X. стр. 426.
Я. Ф.

истины ¹⁾. Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ авторъ кончаетъ курсъ 16-ти лѣтнимъ юношей; изъ этого можно заключить, что природа щедро наградила его способностями и счастливою памятью. Объ успѣшномъ окончаніи курса свидѣтельствуетъ заявленіе автора, что его пригласили для чтенія лекцій въ высшемъ классѣ только что оставленнаго корпуса, по весьма серьезнымъ предметамъ: высшей математикѣ, астрономіи, механикѣ и теоріи высшаго морскаго искусства ²⁾.

Это заявленіе впрочемъ нѣсколько сомнительно. Товарищъ автора А. П. Бѣляевъ, окончившій курсъ Морского корпуса годомъ позже, — лекцій его не слушалъ. Слѣдовательно въ 1820 году авторъ не могъ быть преподавателемъ, а крейсеръ подъ начальствомъ капитана Лазарева (впослѣдствіи знаменитаго адмирала и творца Черноморскаго флота) въ этомъ же году уполъ въ кругосвѣтное плаваніе. Въ числѣ другихъ способныхъ офицеровъ назначенъ былъ на этотъ крейсеръ и мичманъ Завалишинъ.

Бывшія въ малолѣтствѣ таинственныя откровенія, успѣхи въ школѣ и очень ранніе по службѣ, вскружили голову молодому человѣку, развивъ до послѣдней степени самонадѣянность, и безъ того свойственную этому возрасту. Несбыточныя фантазіи возникаютъ одна за другой въ его воспаленномъ воображеніи. Онъ не довольствуется скромной ролью наблюдателя и не пользуется путешествіемъ для приобрѣтенія положительныхъ знаній. Свои фантазіи онъ приводитъ въ исполненіе, замышлявъ учредить орденъ: «Возстановленія».

«Сперва, говоритъ онъ, я полагалъ цѣлю одно торжество истинъ вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды политическіе, хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ войны; хотѣлъ также, для основанія республиканскихъ правительствъ внѣ Европы, стараться вывезти изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпокойнаго ума, которые жаждутъ переменъ и смятеній ³⁾».

Судьба послѣднихъ двухъ скромныхъ проектовъ молодого мичмана неизвѣстна. Статуты же таинственнаго Вселенскаго Ордена возстановленія были написаны на подобіе Мальтійскихъ и авторъ просилъ разрѣшенія по начальству представить ихъ лично Императору Александру I. Разрѣшеніе прибыть въ Петербургъ послѣдовало. Этотъ первый успѣхъ осуществленія замысловъ и былъ причиною гибели автора. Изъ Охотска, черезъ Сибирь, молодой мичманъ спѣшитъ въ

¹⁾ Донесеніе Слѣд. Комм. 1826 г., Собственноручное показаніе Д. И. Завалишина, стр. 34.

²⁾ Въ числѣ документовъ письма не находимъ.

³⁾ Донесеніе Слѣдственной Коммисіи. Собственноручное показаніе Д. И. Завалишина. Я. Ф.

Петербургъ съ своимъ проектомъ, долженствующимъ переработать человѣчество. Поднесенъ проектъ Александру I, который выслушиваетъ его, хвалитъ составителя за усердіе, но плана не принимаетъ, «что меня крайне огорчило» ¹⁾. Этотъ первый ударъ самолюбію былъ причиною крутого поворота его на опасный путь.

Зная о существованіи тайныхъ противуправительственныхъ обществъ, молодой огорченный мичманъ начинаетъ искать сближенія съ членами ихъ. Передѣлываетъ статуты своего не принятаго Государемъ ордена въ духѣ противоположномъ и выдаетъ ихъ какъ уставъ существующаго «Ордена Возстановленія», членами котораго состоятъ, по его словамъ, важнѣйшіе люди разныхъ государствъ, стремящіеся къ преобразованію всѣхъ правительствъ въ Европѣ и Америкѣ. Говоритъ противуправительственныя рѣчи и пишетъ стихи на Государя. Употребляетъ всѣ усилія, чтобы наwerbenъ рыцарей въ свой орденъ, но увлекаетъ только двухъ братьевъ А. П. и П. П. Бѣляевыхъ. Собственноручное показаніе его имѣетъ нѣсколько другой характеръ, почему я его и выпишу изъ донесенія слѣдственной комисіи 1826 г. Это тѣмъ болѣе необходимо, что показанія писались въ казематѣ, куда даставлялись вопросные пункты, бумага и письменныя принадлежности. Полное одиночество и возможность писать отвѣты неопредѣленное время позволяли писать строго обдумавши (?) отвѣты и взвѣсивши каждое слово (?). Вотъ какъ говоритъ Д. И. Завалишинъ: «Вскорѣ затѣмъ, (т. е. по представленіи плана ордена Александру I), имѣвъ несчастіе войти въ связь съ симъ коварнымъ злодѣемъ Рылѣвымъ, я узналъ, что есть тайное общество, враждебное правительству, и рѣшился было донести о томъ, но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по глупой гордости, хотѣлъ все открыть ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ старался извѣдать болѣе о тайномъ обществѣ черезъ другихъ, и для сего дозволилъ себѣ несогласныя съ моими чувствами и видами слова, обратившія нынѣ къ моей погибели. Я говорилъ, что орденъ Возстановленія существуетъ, показывалъ статуты, не тѣ, которые представлялъ покойному Государю, а другіе и въ другомъ духѣ, мною же нарочно для сего сочиненныя. Но, обманывая другихъ, самъ сдѣлался жертвою обмана; мой собственный образъ мыслей началъ измѣняться, сердце тускнѣло, а я не замѣчалъ въ немъ пятенъ, наконецъ сталъ увѣрять себя и повѣрилъ, что намѣренія Рылѣва могли быть чистыя, что во всякомъ случаѣ позорно быть доносителемъ».

За 14-мъ декабря слѣдуютъ аресты. Въ концѣ 20-хъ чиселъ им-

¹⁾ Собственноручное показаніе Д. И. Завалишина. Дон. Слѣд. Комм. А. Ф.

ператоръ Николай захотѣлъ осмотрѣть Морской музей, которымъ за-
вѣдывалъ капитанъ лейтенантъ Н. А. Бестужевъ, въ то время уже
заключенный въ Петропавловскую крѣпость. Нужно было назначить
кого либо изъ офицеровъ, который бы сумѣлъ дать Государю нуж-
ныя объясненія. Выборъ палъ на лейтенанта Д. И. Завалишина,
какъ человѣка знающаго и бойкаго. Отвѣтами онъ очень понравился
Государю, который, оставляя музей, приказалъ обратить на него вни-
маніе и имѣть въ виду какъ надежнаго офицера. Всѣ товарищи и
сослуживцы уже поздравляли его съ блестящей карьерой и флигель-
адъютантскими вензелями въ ближайшемъ будущемъ. Но судьба рѣ-
шила иначе; черезъ нѣсколько дней, а можетъ быть и часовъ, тя-
желая дверь каземата отдѣлила его навсегда отъ карьеры и поче-
стей. Рассказывая объ этомъ дорогою въ Сибирь, Д. И. Завалишинъ
съ горечью прибавилъ: «и съ этой высоты такъ низко пасть!», при-
чемъ онъ указалъ на свои ноги, закованныя въ кандалы.

Во время производства слѣдствія положеніе Д. И. Завалишина
оказалось весьма неловкимъ. Выдавая себя передъ комиссіей и въ
своихъ письменныхъ показаніяхъ приверженцемъ правительства, дѣй-
ствовавшимъ въ его интересахъ, очными ставками изобличался въ
самомъ крайнемъ республиканскомъ направленіи.

Въ Читинскомъ казематѣ собрались наконецъ всѣ осужденные и
разговорами о слѣдствіи, допросахъ и очныхъ ставкахъ выяснили
все дѣло. Степень участія и роль cadaго при допросахъ сдѣлались
извѣстны. Д. И. Завалишинъ, имѣвшій объ обществѣ только смутное
понятіе, долженъ былъ стать особнякомъ и въ началѣ, понятно, что
нѣкоторые его остерегались. Лучшимъ доказательствомъ не принад-
лежности его къ обществу и очень малаго знакомства съ членами,
а тѣмъ болѣе съ К. Θ. Рылѣвымъ, служить то, что послѣ 14-го не
только члены, но и имѣвшіе какое либо съ ними сношеніе — были
арестованы, а Д. И. Завалишинъ оставался на свободѣ и едва не
попалъ въ флигель-адъютанты и только случайное неосторожное по-
казаніе одного изъ морскихъ офицеровъ Дивова привело его передъ
слѣдственной комиссіей, гдѣ раскрылась его дѣятельность, какъ осно-
вателя особаго тайнаго общества. Цѣль, съ которою были передѣ-
ланы статуты ордена, не могла, конечно, внушить довѣрія къ нему.

Да иначе и быть не могло. Въ средѣ людей, быть можетъ слиш-
комъ увлекшихся, но горячо любившихъ свое отечество, преслѣдо-
вавшихъ лишь одну цѣль — общее благо, людей, гордившихся своими
цѣпами и судьбой, онъ не могъ, не долженъ былъ чувствовать себя
въ своемъ кругу. Цѣпи для него были позорны, положеніе свое онъ

называетъ паденіемъ. Но, несчастіе уравниваетъ всѣхъ. Поэтому къ его положенію относились снисходительно и съ сожалѣніемъ. Его не чуждались, но онъ себя внутренно сознавалъ чужимъ посреди насъ. Этимъ-то снисхожденіемъ и сознаніемъ нравственнаго превосходства товарищей онъ тяготился цѣлые 12 лѣтъ. Это естественно должно было развить въ немъ озлобленіе.....

А. Ф. Фроловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АЛЕКСАНДРА ФИЛИПОВИЧА ФРОЛОВА

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ Д. И. ЗАВАЛИШИНА.

VI ¹⁾).

Первое время пребыванія въ Читинскомъ острогѣ помѣщеніе наше по истинѣ было ужасно: въ небольшой сравнительно комнатѣ съ нарами помѣщались 16 человѣкъ, такъ что когда ложились спать, то на каждого не приходилось и аршина ²⁾). Нельзя было перевернуться съ одного бока на другой, не разбудивъ товарища. Если къ этой тѣснотѣ прибавить говоръ и бряцаніе цѣпей при малѣйшемъ движеніи, то будетъ очевидно, что занятій, а тѣмъ болѣе серьезныхъ, въ это время не могло быть. Такъ оно и было. Единственнымъ развлеченіемъ были шахматы, а по вечерамъ увлекательные рассказы Корниловича (издателя «Русской Старины» въ 1825 г.), изъ русской исторіи.

Въ сентябрѣ 1827 года, по окончаніи устройства временнаго помѣщенія (постоянное строилось въ Петровскомъ заводѣ) насъ размѣстили болѣе удобно. Нары замѣнились кроватями и только тутъ явилась нѣкоторая возможность чѣмъ либо заняться, хотя шумъ и бряцаніе цѣпей не уменьшились, но, по крайней мѣрѣ, каждый имѣлъ свой уголокъ. Пребываніе въ этомъ острогѣ оставило, вѣроятно, въ каждомъ самое отрадное воспоминаніе. Въ средѣ нашихъ товарищей были люди высокообразованные, дѣйствительно ученые, а не желавшіе называться только такими и имъ-то мы были обязаны, что время

¹⁾ См „Русская (тарина“ изд. 1882 г. т. XXXIV, май, стр. 465—482.

²⁾ Подтвержденіе въ Запискахъ Е. И. Якушкина, Басаргина и барона Розена.

заточенія обратилось въ лучшее, счастливѣйшее время всей жизни. Нѣкоторые, обладая обширными спеціальными знаніями, охотно дѣлились ими съ желающими. Такъ что получившіе воспитаніе въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ или дома на мѣдные гроши, имѣли полную возможность пополнить свои пробѣлы. Какъ на особенно выдающихся укажу на П. И. Борисова, работавшаго не менѣе 16 часовъ въ сутки. Онъ ложился въ одно время съ другими, но раньше его никто не вставалъ. Какъ бы рано не проснулся, а онъ уже сидитъ и работаетъ при огнѣ (исторія, философія). Безчасновъ, не знавшій французскаго языка, не только изучилъ его, но на поселеніи былъ преподавателемъ этого предмета въ Иркутскѣ и преподавалъ съ успѣхомъ.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи назвать тѣхъ дорогихъ соучениковъ, которые, дѣлясь своими знаніями, своимъ искусствомъ, не только учили, доставляли удовольствіе, но и были спасителями отъ всѣхъ пороковъ, свойственныхъ тюрьмѣ. Никита Мих. Муравьевъ, обладавшій огромной коллекціей прекрасно исполненныхъ плановъ и картъ, читалъ по нимъ лекціи военной исторіи и стратегіи. П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ—высшую и прикладную математику. А. И. Одоевскій—исторію русской литературы. Ф. Б. Вольфъ—физику, химію и анатомію. Спиридовъ свои записки (Исторіи средн. вѣковъ) и многія другія какъ свои собственныя, такъ и переводныя статьи.

Музыканты наши Ѳ. Ѳ. Вадковскій (1-я скрипка), П. Н. Сви-стуновъ (виолончель), Н. А. Крюковъ (2-я скрипка), А. П. Юшневскій (альтъ) были вполнѣ артистами; они-то доставляли намъ по временамъ пріятное развлеченіе. Кромѣ нихъ были еще очень хорошіе музыканты: Ивашевъ, Одоевскій, Юшневскій (фортепіано). Игельштромъ (флейта).

Н. А. Бестужевъ снялъ почти со всѣхъ акварельные портреты, Н. П. Рѣпинъ и И. В. Кирѣевъ снимали виды, а Андреевичъ рисовалъ масляными красками.

Узнавши изъ записокъ Д. И. Завалишина о его профессорской дѣятельности и обширныхъ познаніяхъ по всѣмъ отраслямъ, приходится пожалѣть, что онъ не подѣлился своими познаніями съ товарищами, съ такою благодарностію принимавшими всякое сообщеніе, которое расширяло ихъ умственный кругозоръ.

Чтобы чище держать свое помѣщеніе, мы лѣтомъ въ хорошую погоду обѣдали во дворѣ. Д. И. Завалишинъ съ нами не обѣдалъ (пищу его составляли кедровые орѣхи по преимуществу), а гулялъ на томъ-же дворѣ съ отпущенной бородой, что было тогда диковинкой, въ шляпѣ съ широкими полями и съ библіей въ рукахъ, чѣмъ

и обратилъ на себя вниманіе горнаго унтеръ-офицера, приносившаго намъ обѣдъ, который, передавая о жизни заключенныхъ женъ горнаго чиновника Смольяниновой, сообщилъ ей, что въ числѣ узниковъ есть святой человѣкъ, который не ѣстъ никогда скоромнаго и всегда читаетъ душеспасительныя, божественныя книги. Г-жа Смольянинова, будучи сама женщиной религіозной, познакомилась съ Д. И. Завалишинымъ и тутъ же предложила ему невѣсту, свою младшую любимую дочь (свадьба состоялась черезъ 12 лѣтъ). Этотъ эпизодъ намъ рассказывалъ покойный И. А. Анненковъ, который пользовался особеннымъ расположеніемъ г-жи Смольяниновой, считавшей себя въ родствѣ съ нимъ. Упоминаю объ этомъ обстоятельстве, потому что оно имѣло огромное вліяніе на послѣдующую казематскую жизнь Д. И. Завалишина. Пока мы оставались въ Читѣ, онъ очень часто подъ разными предлогами уходилъ изъ тюрьмы и навѣщалъ свою невѣсту. Это было еще въ то время, когда насъ держали очень строго, а потому непонятно, почему Д. И. Завалишинъ нападаетъ на почтеннаго, всѣми любимаго и уважаемаго коменданта С. С. Лепарскаго. Если онъ посѣщалъ Смольяниновыхъ съ его разрѣшенія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что комендантъ давалъ льготы только тѣмъ, которые имѣли голосъ въ Петербургѣ. Если-же безъ его разрѣшенія, то это показываетъ, что снисходительностію Лепарскаго въ значительной мѣрѣ и болѣе, чѣмъ другіе, пользовался Д. И. Завалишинъ.

Кстати не могу умолчать и о себѣ. Я никогда не имѣлъ никакой руки, ни голоса не только въ Петербургѣ, но даже въ Иркутскѣ, и не смотря на это Лепарскій разрѣшилъ мнѣ устроить мастерскую внѣ каземата, гдѣ я и работалъ. Правда, при мнѣ постоянно былъ часовой, который болѣею частію спалъ. Однажды комендантъ вошелъ неожиданно въ мастерскую; я бросился будить часового, но онъ остановилъ меня, сказавъ:

— «Оставьте его, я знаю, что не онъ, а вы его караулите. Онъ усталъ, не спавши ночь».

Въ 1828 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступили въ нашу Читинскую тюрьму трое молодыхъ офицеровъ изъ Оренбурга. Они военнымъ судомъ приговорены были на каторжную работу какъ принадлежавшіе къ тайному политическому обществу. Мы отъ нихъ узнали, что нѣкто Ипполитъ Завалишинъ, младшій братъ того, который съ нами находился, 17 лѣтній юноша, воспитывавшійся въ инженерномъ корпусѣ и сдѣлавшій ложный доносъ на брата своего, по Высочайшему повелѣнію былъ разжалованъ въ солдаты въ Оренбургскій корпусъ. Прибывъ туда, онъ распустилъ слухъ между юнкес-

рами и молодыми прапорщиками, что разжалованъ и сосланъ за участіе въ дѣлѣ 14-го декабря, увѣрялъ, что существованіе тайнаго общества не прекратилось, и что онъ уполномоченъ вербовать членовъ въ тайное общество. Нѣсколько человекъ изъ нихъ уговорилъ онъ вступить въ вымышленный заговоръ, и взявъ съ нихъ росписку въ согласіи на его предложеніе, донесъ генералъ-губернатору Эссену о существованіи тайнаго общества и представилъ списокъ всѣхъ членовъ, имъ же привлеченныхъ. При допросахъ тотчасъ же обнаружилась злостная и безумная продѣлка Ипполита Завалишина. Его сослали на каторгу въ Нерчинскіе заводы на 20 лѣтъ, нѣкоторыхъ на Кавказъ, а молодыхъ Дружинина, Колесникова и Тапикова въ работу на короткіе сроки, и но Высочайшему повелѣнію помѣстили въ нашу тюрьму. Какъ-же обидно намъ было узнать въ 1830 году, что этотъ несчастный Ипполитъ Завалишинъ, по просьбѣ брата своего, переводится изъ Нерчинскихъ заводовъ въ нашъ Петровскій казематъ. Личность его подъ именемъ Z подробно описана въ весьма интересномъ разсказѣ Василія Колесникова, изложенномъ В. И. Штейнгейлемъ и помѣщенномъ въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1881 года и въ январьской книгѣ изд. 1882 года.

Онъ велъ себя посреди насъ также, какъ и въ описанномъ походѣ, пѣлъ и посвистывалъ проходя мимо насъ, не выказывая ничѣмъ ни малѣйшаго раскаянія, ни стыда, ни хоть сожалѣнія о молодыхъ людяхъ, которыхъ онъ погубилъ. Я шесть лѣтъ пробылъ съ нимъ въ одной оградѣ и при встрѣчѣ съ нимъ проходилъ, не обращая на него вниманія; также и всѣ поступали.

Нѣкоторые изъ насъ, изъ жалости къ его положенію, С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкинъ, Е. П. Оболенскій, познакомились съ нимъ, выказали ему участіе, въ надеждѣ привести его къ сознанию его нравственнаго паденія, но безуспѣшно.

Находясь потомъ на поселеніи въ городѣ Курганѣ, онъ опять отданъ былъ подъ судъ и посаженъ въ острогъ за ложный доносъ, о чемъ Фонъ-деръ-Бригенъ извѣстилъ Ив. Ив. Пущина въ сохранившемся письмѣ. Ненасправимая склонность къ доносамъ объяснима не иначе какъ особымъ родомъ мономаніи.

Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ подвизался на литературномъ поприщѣ. Московское общество распространенія полезныхъ книгъ издало три тома его сочиненій подъ заглавіемъ «Описаніе Сибири». Кромѣ того появились въ печати «Эпопея тысячелѣтія Россіи» и другія произведенія его плодовитаго, хотя не искуснаго пера. Одна знакомая мнѣ дама, прочитавъ кое что изъ его сочинен-

ній, говорила мнѣ, что въ нихъ выражается любвеобильная душа автора. Я не почелъ нужнымъ выводить ее изъ заблужденія, но заключилъ изъ этого случая, что еще труднѣе судить о сердцѣ чловека по его печатному, чѣмъ по устному слову.

Впрочемъ, почему знать, ему должно быть теперь 75 лѣтъ, если онъ только живъ. Опытъ жизни, съ помощію Божіею, можетъ быть неузнаваемо измѣнилъ его. Дай Богъ!

VII.

Въ 1830 году насъ перевели наконецъ въ постоянную тюрьму, въ Петровскій заводъ. Тутъ у каждаго была своя комната и можно было устроиться по своему желанію.

Въ Петровской тюрьмѣ общежитіе наше кончилось. Обѣдали мы по отдѣленіямъ въ своихъ корридорахъ, а потому и вмѣстѣ собирались гораздо рѣже. Здѣсь-же былъ выработанъ уставъ артели, какъ большой, такъ и малой. Еще въ Читинскомъ острогѣ Е. П. Оболенскій предложилъ всѣ деньги, которыя получались, какъ отъ казны, такъ и нѣкоторыми изъ дому, вносить въ общую кассу и расходовать на нужды всѣхъ, и сдѣлать такимъ образомъ всѣхъ равноправными собственниками общаго достоянія. Предложеніе это, не смотря на братскую готовность имущихъ дѣлаться съ неимущими, не могло осуществиться и было отвергнуто, такъ какъ между нами были женатые, семейства которыхъ жили отдѣльно на квартирахъ или въ собственныхъ домахъ. Но оно было первымъ поводомъ къ устройству артели въ Петровскомъ. Желаніе устроить нашъ бытъ возможно лучше и независимѣе по прибытіи въ Петровскій заводъ и просьба нѣкоторыхъ неимущихъ о пособіи правительства ускорили дѣло.

Комендантъ, всегда и вездѣ старавшійся о поддержаніи нашего достоинства, отнесся къ этой просьбѣ не благосклонно, но какъ лицо официальное прислалъ плацъ-маіора провѣрить заявленіе личнымъ опросомъ всѣхъ заявившихъ просьбу. Какъ только слухъ объ этой просьбѣ пронесся по каземату, то всѣ возмутились и до прихода плацъ-маіора уговорили отказаться отъ своего заявленія, а когда онъ пришелъ, то его просили передать генералу Лепарскому общую просьбу оставить это дѣло безъ послѣдствій, что очень порадовало старика коменданта. Тотчасъ-же И. И. Пущинъ, А. В. Поджіо и Ѳ. Ѳ. Вадковскій ¹⁾ взяли за составленіе устава артели,

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина изд. 1870 г.

который и былъ ими выработанъ при общемъ содѣйствіи всѣхъ участниковъ, изъ которыхъ каждый могъ дѣлать свое предложеніе. Полный уставъ помѣщенъ въ запискахъ Басаргина («Девятнадцатый вѣкъ» томъ I стр. 149—161). Входить въ подробности этого устава не буду; желающіе могутъ прочесть его въ Запискахъ Басаргина. Уставъ большой артели дѣлалъ каждому неимущаго собственникомъ известной суммы, которой онъ могъ безотчетно располагать на свои нужды. На каждого въ годъ отчислялось 500 руб.; изъ нихъ приблизительно около половины назначалось въ хозяйственную сумму и расходовалось на продовольствіе, а остальные перечислялись въ частную (личную каждого) сумму и расходовались по усмотрѣнію владѣльца. Для тѣхъ, которые не пользовались общимъ столомъ, какъ напр. Д. И. Завалишинъ, всѣ 500 руб. зачислялись въ частную сумму. На образованіе всей суммы поступали деньги, отпускаемыя на наше содержаніе и получаемыя отъ продажи экономическаго провіанта, но главнымъ образомъ отъ взносовъ участниковъ. Всѣ холостые, получавшіе изъ дому до 500 руб., отдавали все сполна, а болѣе 500 р. по желанію, но не менѣе, какъ въ полтора раза больше того, что получали изъ артели. Многіе давали значительно больше. Нѣкоторые женатые, не пользуясь ни чѣмъ отъ артели, усиленно помогали этому учрежденію; такъ Муравьевъ и Трубецкой жертвовали отъ 2 до 3 тысячъ. Нарышкинъ, Ивашевъ, фонъ-Визинъ и Волконскій до 1,000 ежегодно.

Вообще какъ человѣкъ неимущій и пользовавшійся плодами этого благого учрежденія, съ полною благодарностію вспоминаю братское, истинно христіанское раздѣленіе богатыми товарищами своего имуществва съ бѣдными, причемъ предлагалось все такъ простодушно, родственно, что отказаться значило оскорбить. Эти же чувства высказаны и въ запискахъ моихъ добрыхъ товарищей: Якушкина, барона Розена, Басаргина и А. П. Бѣляева.

Я помню, что разъ передъ годичною верхнеудинской ярмаркой оскудѣлъ въ Петровскомъ запасъ сахара; нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, въ виду установившейся дороговизны, отказались отъ чаю. С. П. Трубецкой, узнавъ объ этомъ, принесъ дѣлую голову сахару и чуть ни со слезами упрашивалъ насъ не подвергать себя лишенію, которое можетъ вредно повліять на наше здоровье. Онъ былъ олицетворенная доброта. Я понялъ, сколько бы его огорчилъ отказъ съ нашей стороны. Вотъ какъ вели себя у насъ богатые.

*) Якушкинъ, стр. 1599 „Русск. Арх.“ 1870 г., бар. Розенъ стр. 228: „Рѣшительно все дѣлили между собою: и горе и копѣйку“. Басаргинъ въ „Сборникѣ XIX-й вѣкъ“.

Конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что мысль устроить артель и осуществленіе этой идеи могло принадлежать только кому либо изъ богатыхъ, такъ какъ для этого требовалось дѣлать довольно значительныя ежегодныя вклады, что возможно было только имущимъ. Требовать же отъ нихъ этого никто не могъ, а если бы и нанеялся такой, то едва ли бы его коммунистическія наклонности могли встрѣтить сочувствіе. Поэтому заявленіе Д. И. Завалишина, что онъ предложилъ, осуществилъ и даже былъ первымъ хозяиномъ—далеко отъ дѣйствительности. Хозяиномъ его избрали только въ 1835 году. Многіе отказывались отъ этой хлопотливой и неблагодарной должности, тѣмъ болѣе, что хозяинъ, добросовѣстно относящійся къ дѣлу, долженъ былъ отказаться отъ всякаго другого дѣла и занятія, что для многихъ было лишеніемъ и заставляло уклоняться отъ избранія. Д. И. Завалишинъ былъ избранъ по просьбѣ Е. П. Оболенскаго и А. В. Поджіо, желавшихъ сблизить его съ обществомъ.

Малая артель, имѣвшая цѣлью помощь отбѣзжающимъ на поселеніе, также возникла, благодаря старанію покойнаго И. И. Пущина, который управлялъ ею не только по выходѣ изъ каземата, но даже по возвращеніи въ Россію. Артель эта существуетъ и до сихъ поръ, подъ управленіемъ оставшихся въ живыхъ и дѣтей умершихъ и посильно помогаетъ нуждающимся какъ отцамъ, такъ и дѣтямъ. Основаніемъ для нея также были добровольныя вклады имущихъ и только въ незначительной степени каждаго изъ неимущихъ участниковъ, вносившихъ извѣстный процентъ участковой суммы. Но такъ какъ каждый отправляющійся на поселеніе получалъ больше, чѣмъ было имъ внесено, считая даже сложные проценты въ жидовскихъ размѣрахъ, то очевидно, что избытокъ этотъ былъ возможенъ только при добровольныхъ взносахъ. Что было въ послѣдніе три года пребыванія въ Петровскомъ—не знаю, такъ какъ въ 1836 году выѣхалъ на поселеніе. Живыхъ свидѣтелей этого времени нѣтъ, а оставленныя записки пока не опубликованы.

Авторъ говоритъ (430), что онъ «артелью не пользовался, потому что вносилъ деньги полностью и пищу себѣ готовилъ на свои личные средства».—Не бывши казначеемъ ни подтверждать, ни оспаривать этого факта не могу. Замѣчу только, что онъ не согласуется съ тѣмъ, что всѣмъ извѣстно было о помощи, доставляемой С. П. Трубецкимъ брату его Ипполиту, когда послѣдній отказался отъ пособія изъ артели, потому что лишенъ былъ права голоса, какъ не причисленный къ членамъ ея. Изъ дома Трубецкихъ приносили ему каждый день обѣдъ и ужинъ. Если были у Д. И. Завалишина собственныя средства, то пользовался бы вѣроятно такими же и братъ

его и не нуждался бы въ помощи посторонней. Тутъ же сказываетъ авторъ, что отправляясь на поселеніе онъ не взялъ ничего изъ малой артели. Объ этомъ знали только товарищи наши, принадлежавшіе къ 1-му разряду и пробывшіе въ тюрьмѣ 12 лѣтъ, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ.

По окончаніи срока въ 1839 году Д. И. Завалишинъ, по его просьбѣ, былъ назначенъ на поселеніе въ Читу, гдѣ и женился на дочери Смольяниновой.

VIII.

Въ 1869 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появились статьи С. В. Максимова: «Сибирь и каторга», въ которыхъ, между прочимъ, описана и наша жизнь. Но такъ какъ жизнь нашего каземата была искажена, то П. Н. Свистуновъ написалъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 года опроверженіе, указавъ источникъ, изъ котораго черпалъ свѣдѣнія г. Максимовъ. Та же необычайная дѣятельность одного изъ декабристовъ теперь появилась въ запискахъ Завалишина. Опровергать его поэтому я не буду, но пожалѣю только, что назначенный мной почтеннѣйшимъ товарищемъ П. Н. Свистуновымъ 10 лѣтній срокъ для печатанія ошибочныхъ свѣдѣній казематной жизни оказался недостаточенъ, и хотя Д. И. Завалишинъ выждалъ ровно 10 лѣтъ для печатанія своихъ записокъ, но Богу угодно было, чтобы мы, современники и союзники его, могли еще сказать слово, какъ объ авторѣ, такъ и объ его произведеніи.

Выходка противъ П. Н. Свистунова (вѣроятно за то, что онъ первый выступилъ съ обличеніемъ противъ увлеченій автора), не дѣлаетъ чести Д. И. Завалишину. Угрозы его и пятнадцать строкъ точекъ, замѣнившихъ вѣроятно бездоказательныя поношенія, недопускаемыя въ печати, изобличаютъ въ авторѣ непомѣрную злобу и жажду мести, столь несвойственныя христіанину, глубоко изучившему догматы вѣры и потратившему столько труда на свое нравственное воспитаніе.

Невольно приходитъ на память рассказъ братьевъ Крыловыхъ, ѣхавшихъ въ Сибирь въ одной партіи съ П. Н. Свистуновымъ и Д. И. Завалишинымъ. Изъ всѣхъ ихъ, только одинъ П. Н. Свистуновъ имѣлъ съ собой 1000 руб., остальные ѣхали ни съ чѣмъ и даже плохо для зимы одѣтыми. Утомленные непрерывной скачкой день и ночь, они просили фельдъегеря дать имъ нѣсколько часовъ на отдыхъ, но онъ не соглашался; тогда П. Н. предложилъ ему 200

руб. и фельдъегерь наполовѣ возможнымъ остановиться ночью для отдыха на 4 часа ¹⁾. Опасаясь, что ихъ разъединятъ по разнымъ заводамъ, П. Н. раздѣлилъ оставшіеся 800 руб. на четыре равныя части и три изъ нихъ отдалъ спутникамъ, оставивъ четвертую себѣ. Это ли, Дмитрій Иринарховичъ, не христіанскій подвигъ любви! Онъ подѣлился по братски съ людьми, которыхъ до отбѣзда изъ Петербурга не зналъ, имѣя въ перспективѣ продолжительную каторгу, при неизвѣстности возможно ли будетъ получать что либо изъ дому! П. Н. и теперь не желаетъ подтвердить этотъ похвальный, достойный подражанія поступокъ, говоря, что «не помнить». Не за это ли братское чувство награжденъ онъ темными намеками и точками! Вѣроятно, опомнившись, самъ авторъ раскается въ недобромъ поступкѣ.

Стараюсь объяснить себѣ, почему авторъ, имѣя, по словамъ его, готовый матеріалъ для записокъ своихъ уже въ 1839 году, столько медлилъ печатаніемъ ихъ и почему на опроверженіе статьи Максимова, столь огорчившее его, болѣе 10 лѣтъ не отвѣчалъ? Не потому ли, что тогда многіе еще были живы, имѣли зрѣніе и рука ихъ послушно излагала мысли?

Теперь, конечно, всѣ стали стары, да и осталось насъ уже мало, а авторъ можетъ быть полагалъ, что никого нѣтъ въ живыхъ. Сообщу ему, что изъ I-го разряда въ живыхъ П. Н. Свистуновъ и я, IV-го—А. П. Бѣляевъ, V-го—баронъ Е. А. Розень, VII-го—Н. А. Загорѣцкій и VIII-го—М. А. Назимовъ.

Изъ I-го разряда живъ только одинъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ, который въ казематѣ не былъ. Изъ упомянутыхъ семи чело-вѣкъ, пять постоянно и давно живутъ въ Москвѣ и, насколько позволяетъ старость, навѣщаютъ другъ друга.

Одинъ Д. И. Завалишинъ ни у кого не бываетъ. Не могу обойти молчаніемъ разсказа его о посѣщеніяхъ жившихъ въ Москвѣ декабристовъ. Во время его прибытія въ Москву жили здѣсь: П. Н. Свистуновъ и Н. Д. Пущина. У перваго онъ не былъ, а второй сдѣлалъ лишь одинъ визитъ, но никогда не обѣдалъ. Подтвердить это можетъ бывшая воспитанница Пущиной П. Я. Мирбахъ, которая Д. И. Завалишина ни разу не видѣла, хотя находилась при покойной безъотлучно.

У сестеръ Бестужевыхъ бывалъ, и очень часто, но, задолго до возвращенія М. А. Бестужева, прекратилъ свои посѣщенія и при немъ

¹⁾ Изъ Тобольска повезъ ихъ полицейскій чиновникъ, но вскорѣ нагналъ фельдъегерь, чтобы взять Д. И. Завалишина и везти его одного.

не былъ ни разу ¹⁾, даже на похоронахъ его не былъ. П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ, такъ много хлопотавшій о принятіи Д. И. Завалишина въ казематское общество, прожилъ почти годъ въ домѣ Пушкиной, у ней и умеръ, но Д. И. Завалишинъ живаго не навѣстилъ ни разу, а мертваго его не провожалъ. На похоронахъ Н. Д. Пушкиной такжѣ не былъ. У дочери Ник. Мих. Муравьева, Соф. Н. Бибиковой всего былъ разъ съ визитомъ. Наконецъ въ теченіи безъ малого 20-ти лѣтъ пребыванія своего въ Москвѣ ни съ кѣмъ не видался изъ казематскихъ товарищей, хотя пятеро изъ насъ давно поселились въ Москвѣ.

Не буду доискиваться причины, побудившей его прекратить всякое сношеніе съ тѣми, горькую судьбу которыхъ раздѣлялъ столько лѣтъ. Это его тайна. Но удивиться можно тому, что при его смѣтливости, онъ не подумалъ, что такое устраненіе себя отъ людей, коротко его знающихъ, могутъ истолковать не въ его пользу.

IX.

Не хватить у меня ни духа, ни силъ подробно перебирать всѣ показанія Д. И. Завалишина, требующія опроверженія; такой трудъ тѣмъ болѣе тягостенъ, что приходится высказывать человѣку на каждомъ шагѣ, что онъ вымыселъ выдаетъ за дѣйствительный фактъ; мягче этого я выразиться не умѣю. Не могу допустить преднамѣреннаго искаженія истины, систематически поддержаннаго въ продолженіи цѣлаго разсказа. Несомнѣнно, что страсти помрачаютъ нашъ разумъ и бываютъ не безъ вліянія на память, но я того мнѣнія, что необузданное пылкое воображеніе, тревожившее автора, по его же сказанію, съ юныхъ лѣтъ, и въ старости не охладѣло и не улеглось. Оно одарено способностію превращать невидимое въ видимое, фантазію въ дѣйствительность и вывести человѣка изъ нормальнаго психическаго состоянія.

Никто не повѣритъ, что юноша двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, вступившій въ кругъ людей, незнакомыхъ ему и по извѣстнымъ причинамъ не довѣрившихъ ему, получилъ бы вдругъ право: «требовать отъ нихъ сохраненія нравственнаго достоинства» (421) и «чтобъ они не теряли время на пустыя занятія», обращаясь при томъ къ лицамъ многимъ старше его, списавшимъ общее уваженіе и знавшимъ

¹⁾ Хотя Михаилъ Александр. Бестужевъ пять лѣтъ прожилъ въ Москвѣ.
АФ.

его прошлое колебаніе, или точнѣе сказать—отсутствіе убѣжденій. Между ними нѣсколько лицъ участвовали въ бородинскомъ дѣлѣ, многіе дѣлали кампанію 13-го и 14-го года, а М. С. Лунинъ былъ даже въ строю подъ Аустерлицомъ. Если бы онъ точно отважился на заявленіе подобнаго требованія, отвѣтомъ ему былъ бы взрывъ смѣха или совѣтъ обратиться съ увѣщаніями къ брату своему Ипполиту, который въ томъ очень нуждался. Если же бы вздумалъ выступить въ качествѣ наставника передъ лицами одного возраста съ нимъ, ему бы вѣроятно сказали: врачу, изцѣлился самъ,—но все это немыслимо (стр. 419).

Комендантъ Лепарскій не могъ разрѣшить письменныхъ занятій, воспрещенныхъ намъ по данной ему инструкціи (430). Обыска на этотъ счетъ ни разу не производилось; но онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на это отступленіе отъ инструкціи и при случаѣ говорилъ: «я не вижу». Писемъ и записокъ никому изъ насъ не писалъ. Имѣя право требовать насъ къ себѣ для объясненія и навѣщая насъ часто въ казематъ, онъ, 80-ти лѣтній старикъ, не имѣлъ надобности утруждать себя письмомъ напрасно. Единственный случай, побудившій его взяться за перо—былъ отъѣздъ на поселеніе Ф. Б. Вольфа, искусству и попеченіямъ котораго онъ обязанъ былъ, какъ выражался, сохраненіемъ нѣсколькихъ лишнихъ лѣтъ земной жизни. На первой станціи отъ Петровскаго Ф. Б. Вольфа нагналъ посланный съ запиской отъ коменданта, въ которой онъ заявлялъ ему о своей признательности и дружбѣ. Непонятны ни мнѣ, ни кому либо изъ насъ выходки автора противъ коменданта Лепарскаго, который снискалъ нашу общую любовь и оставилъ по себѣ добрую память посреди жителей Читинскихъ и Петровскихъ. Никто изъ насъ въ казематѣ не подозревалъ скрытую ненависть автора къ Лепарскому, которой онъ никогда не высказывалъ. Проявленіе этой ненависти, въ настоящей его статьѣ, скорбно поразило насъ всѣхъ.

Касательно перевода всей библіи съ еврейскаго языка (426)—это такой подвигъ, которымъ бы онъ увѣковѣчилъ свое имя. Алтайскій миссіонеръ, прославившійся архимандритъ Макарій, посвятилъ 20 лѣтъ своей жизни на этотъ колоссальный трудъ. Когда св. Синодъ отказалъ ему въ просьбѣ напечатать свой переводъ, онъ отнесъ его къ москов. митрополиту Филарету съ просьбою сохранить его. Предположивъ въ Д. И. Завалишинѣ надлежащую ученую подготовку для такого труда и пользованіе благоприятными для того обстоятельствами, какъ то: надлежащею окружающею обстановкою, спокойствіемъ духа и удаленіемъ отъ житейскихъ заботъ и волненій, чтобъ всецѣло посвятить себя такому благому предпріятію въ продолженіи многихъ

лѣтъ и тогда, чтобы удостовѣриться въ совершеніи такого подвига, я бы желалъ услышать отъ человѣка свѣдущаго и достойнаго довѣрія, что овъ переводъ этотъ имѣлъ въ рукахъ, просматривалъ и убѣдился, что это не копія, а оригинальный переводъ съ еврейскаго. Такой простой способъ къ исцѣленію самаго упорнаго недовѣрія всегда доступенъ автору и ему слѣдовало бы имъ воспользоваться, потому что всеобщее недовѣріе въ этомъ случаѣ роняетъ его авторитетъ касательно всего имъ повѣствуемаго.

Во всей статьѣ, и особенно на стр. 428, онъ даетъ понять, что высокое его нравственное достоинство возбудило противъ него вражду его союзниковъ. Онъ не довольствуется этимъ огульнымъ осужденіемъ своихъ товарищей, но выставляетъ ихъ на поселеніи какъ утратившихъ свое нравственное достоинство и вслѣдствіе того погибшихъ. Что къ нему никто вражды не питалъ и что по сію пору никто изъ оставшихся въ живыхъ не злобствуетъ на него, я смѣло могу поручиться, но что онъ въ теченіи 12-ти лѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ не приобрѣлъ ни одного друга—не съ кого ему взыскивать, какъ только съ самаго себя. Самый его рассказъ достаточно показываетъ, какъ авторъ мало способенъ испытывать или внушать дружеское чувство. Онъ упрекаетъ всѣхъ въ неблагодарности къ его заслугамъ. «Все, что касается до обезпеченія въ настоящемъ и по возможности въ будущемъ, всецѣло принадлежало мнѣ». Какъ бы онъ рѣшился сказать это нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда еще живы были нѣсколько десятковъ товарищей, которыхъ онъ пережилъ для того только, чтобъ ихъ поворить? И какъ это согласить съ тѣмъ отзывомъ о его союзникахъ, какъ о людяхъ высшаго уровня тогдашняго образованія» (433) и что «всѣ науки имѣли въ казематѣ своихъ живыхъ представителей» (434). Неужели они для устройства казематной жизни, не головоломнаго казиса труда, не могли обойтись безъ содѣйствія Д. И. Завалишина и вынуждены были отрывать его отъ ученыхъ занятій, вымаливая у него пожертвованіе драгоцѣннаго времени, по неспособности самихъ къ малѣйшему занятію? Какъ этому повѣрить? Надо правду сказать: ни злобы, ни признательности не было никакого повода къ нему питать, потому что не имѣлъ онъ случая ни вредить кому либо, ни благодѣтельствовать.

Онъ говоритъ, что докторъ товарищъ Вольфъ (431) никому кромѣ его не довѣрялъ ночного дежурства при трудно больныхъ. Всѣ товарищи могутъ засвидѣтельствовать, что ни съ кѣмъ не былъ Ф. Б. Вольфъ такъ близокъ, какъ со мною. Мы въ одномъ корридорѣ и въ смежныхъ нумерахъ жили. Онъ мнѣ поручилъ завѣдываніе своей аптекой и составленіе лекарствъ по его указанію. Дружбу его я вы-

соко цѣнилъ, потому что, бывши многимъ моложе его, я пользовался добрыми совѣтами человѣка, высоко образованнаго и пріобрѣвшаго общую любовь попеченіемъ своимъ о всѣхъ нуждавшихся въ его помощи. При мнѣ опасно хворали всего пятеро изъ насъ: Пестовъ, который умеръ, П. С. Бобринцевъ - Пушкинъ. Арбузовъ, Швейковскій и Безчасновъ. Вольфу не нужно было призывать кого либо для ухода за ними, потому что всякій изъ нихъ имѣлъ друзей, которые сами на то вызывались, а Д. И. Завалишинъ не былъ изъ числа ихъ. Прибавлю мимоходомъ, что Ф. Б. Вольфъ на поселеніи прославился своимъ искуснымъ и безмезднымъ леченіемъ въ Иркутскѣ и Тобольскѣ. Въ последнемъ городѣ, по просьбѣ преосвященнаго, читалъ лекціи о гигиенѣ въ тамошней семинаріи.

Что сказать мнѣ о письмѣ П. А. Муханова къ махинѣ автора (426)? Исклая утѣшить ее, онъ передаетъ ей слышанное имъ отъ ея пасынка объ изученіи еврейскаго и всѣхъ западныхъ и восточныхъ языковъ, сознавая при томъ, что онъ не судья въ этомъ дѣлѣ; но авторъ, вѣроятно, чтобы придать болѣе авторитета лестному о немъ отзыву, возводитъ его въ ученую степень и провозглашаетъ замѣчательнымъ археологомъ. П. А. Мухановъ былъ добрый и умный человѣкъ, но простодушный, скромный, безъ тщеславія. Отъ почетнаго званія археолога онъ бы вѣрно отказался. Какъ литераторъ, онъ выказывалъ несомнѣнный талантъ. Повѣсти его, съ описаніемъ русскаго быта и правонъ нашихъ, представляли увлекательный рассказъ, но онъ себя за ученаго не выдавалъ. Не знаю въ чьихъ рукахъ остались произведенія его легкаго и даровитаго пера, но онѣ были бы цѣнной находкой для любого журнала.

Д. И. Завалишинъ, намѣреваясь опровергнуть все сказанное въ появившихся воспоминаніяхъ товарищей нашихъ и возбудить сомнѣніе въ ихъ достовѣрности, предупреждаетъ читателя (419), что онъ едва ли не одинъ велъ современныя записки. Положимъ, что дѣйствительно велись и сохранились эти записки; нельзя еще заключить изъ этого, чтобы его рассказъ былъ правдивѣе всѣхъ прочихъ. Выраженія, выставленныя имъ: «не помню», «кажется», «не могу съ достовѣрностію сказать» — касаются лишь мелкихъ подробностей и служатъ порукой добросовѣстности повѣствователя, не желающаго ручаться за то, что могло ускользнуть изъ памяти. Баронъ А. Е. Розенъ, повѣривши въ слово Д. И. Завалишину, въ своихъ запискахъ поминаетъ о 13 языкахъ, имъ изученныхъ, не предполагая никакого хвастовства, будучи самъ въ высшей степени правдивымъ. Г. Максимовъ, напротивъ, въ статьѣ своей насчиталъ 8 языковъ.

Ни тотъ, ни другой не виноваты, почерпнувъ разнорѣчивыя свѣдѣнія изъ одного и того же источника.

Выскажу при этомъ мнѣніе мое о запискахъ товарищей моихъ, и въ чемъ расходятся онѣ съ воспоминаніями г. Завалишина. Во всѣхъ ихъ есть какъ бы сходственные черты и нѣчто всееляющее довѣріе: никто изъ нихъ не выставляетъ себя на показъ въ ущербъ другимъ: рассказы ихъ просты и чужды всякой натяжки и лицепріятія. Не скрывается въ немъ никакой предвзятой мысли и тенденціозности; не обнаруживается ни малѣйшаго слѣда какого либо враждебнаго чувства, что составляетъ достоинство, всѣми цѣнимое и присвоивающее имъ характеръ истины.

Пора отдохнуть мнѣ отъ тоскливаго, скажу даже, скорбнаго труда. Тяжело на каждомъ шагу противорѣчить, обличать. Если бы самовосхваленіе Д. И. Завалишина не сопровождалось осужденіемъ моихъ товарищей, я бы почелъ неумѣстнымъ ему возражать; но мнѣ дорога память добрыхъ моихъ товарищей усопшихъ и потому безгласныхъ; я исполнилъ лишь, какъ умѣлъ, долгъ совѣсти и дружбы. А затѣмъ, когда настанетъ роковой часъ разлуки съ видимымъ міромъ и наступитъ время предстать передъ вѣчнымъ Судьею, отъ искреннаго сердца желаю Д. И. Завалишину, какъ и самому себѣ, покинуть земную жизнь безъ скорби, съ твердой надеждой на лучшую долю и съ чувствомъ любви и всепрощенія.

Александръ Филипп. Фроловъ.

Москва.

12 февраля 1832 года.